

Интервью с Тетюевой Любовью Александровной

Интервью взяла Гребенщикова Светлана 24 апреля 2004 года.

Представьтесь, пожалуйста.

Меня зовут Любовь Александровна Тетюева, родилась в Чердыни (город в Пермской области – прим. Л.Р.) в 1923. Это как раз были времена НЭПа. Семь лет когда мне было, когда наша семья переехала в Соликамск (город в Пермской области – прим. Л.Р.). Дело в том, что у меня папа священник, служил в соборе.

В каком соборе?

В Воскресенском соборе, в Чердыни, и его в 1921 году ГПУ привлекало к работе с верующими людьми. В общем, его хотели сделать доносителем на своих прихожан. От этого он отказался, год просидел в тюрьме, потом продолжал службы. Но в это время в церкви, в православие вводилось «обновление». Это не со стороны патриарха шло, а это шло со стороны наших государственных деятелей. Было желание отлучить людей от веры в Бога. Отец мой отказался быть «обновленцем», ему совершенно не подходили условия, которые предлагались «обновленцам». Он перешел служить в другой храм, его арестовали снова. Просидел он второй раз в тюрьме и вышел с таким документом: «сидел за внесение розни в массы верующих». Он не стал «обновленцем». Он ушел служить в Успенский храм и к «обновленцам» в собор прихожане не стали ходить. Они все перешли слушать службу в Успение, за моим папой.

Когда это было?

Это был 1928 год. Его снова арестовали. Через два года он вернулся в Чердынь, но ему сказали так: «Останешься в Чердыни – снова арестуем». Архиепией Пермской епархии послал его служить в Чермоз (город в Пермской области – прим. Л.Р.).

В семье у меня два брата, старше меня, которым нужно было получить образование. Время было такое – детям священника разрешалось окончить только начальную школу. Дальше их уже не учили. Один брат окончил четыре класса, второй – педтехникум (педагогический – прим. Л. Р.). Переехали в Соликамск, с мамой и с братьями. А отец у нас жил отдельно, настолько отдельно, что он боялся приезжать. За связь с отцом могли исключить брата из школы, а старшего - с работы.

Как Вы лично воспринимали то, что Вашего отца «навещают» сотрудники ОГПУ?

Ну, конечно, мы очень сочувствовали папе по той причине, что его хотели сделать доносителем. В тот период, когда он еще не перешел еще в новый храм служить, в Успение, к нему домой приходил молодой человек. Он познакомился – этот молодой человек – с папой в храме, а потом стал приходиться домой. Он как соглядатель приходил. Он сидел, выжидал и смотрел, кто приходит к нам в семью.

Вы его видели?

Мне было тогда пять лет. Моей старшей сестре было уже 18. Брату было 16 лет и постарше был десятилетний брат. Папа очень нервничал при приходе этого молодого человека. Насколько нервничал, что мама сейчас же уходила на кухню, занимается своими делами, а папа уходил в сторону от беседы с этим человеком. Но ведь ему же нужно было задержаться, побыть в квартире у нас, посмотреть что и как! Он начинал со мной, доставал карамельки из кармана, меня угощал пятилетнюю, да и разговаривал со мной – был повод задержаться. То подсаживался к старшей сестре, беседовал с ней. Ее Лена звали, Елена Александровна Дергаусова потом. Бабушка сейчас же подсаживалась к ним, садилась рядом со своим чулком, который она вязала. Она говорила, что неприлично молодой девушке один на один разговаривать с мужчиной. Да, папа мне сказал: «Ты у него конфеток не бери больше. Я тебе куплю шоколадную конфетку». У него, у этого молодого человека, повода задержаться в квартире уже было меньше. Я этот разговор с папой хорошо запомнила.

В то время у нас в квартире – мы снимали квартиру, три комнаты и кухня – была большая комната. В этой комнате стояли пята, на которых стежили теплые одеяла. Уже половина одеяла была готова и свисала до полу, и когда приходил этот молодой

человек, я сразу же уходила и пряталась под этими пятами. И больше я ни разу туда, за конфетками я уже не выходила.

Но постепенно он отстал, потому что видел такое невнимание с нашей стороны. Ему просто было неудобно уже бывать. И еще он очень нервничал. Папу по ночам – это мне уже мама позднее рассказывала – по ночам вызывали в ГПУ. Скажут ему, что вот, в такое-то время. Мама с ним шла вместе, оставалась на улице и ждала его до тех пор, пока его не выпустят. А выпустят или не выпустят? Вот под таким страхом все время и жили.

Как часто его вызывали?

Видимо часто. Вот и сестра старшая мне рассказывала, что нет-нет посмотрим – мама с папой куда-то уходят. Они детям не рассказывали ничего. Но, видимо, это было не раз. Куда, говорит, они уходят?

Расскажите о своей маме.

Мои родители познакомились друг с другом с самых ранних лет. Деда жили рядом в селах. Отец мамы жил в Анисимове, а отец папы – в Кушмангорте. Села рядом. Они, деда, дружили семьями и каждое лето – а семьи были большие – ездили друг к другу в гости. Вот телега, на телегу садят всех детей и едут к одному, в одну семью, а наоборот – гости приезжают к другому деду. Так вот мама была знакома с детства. Моя мама была учительница начальной школы. Окончила она женское двухклассное училище в Чердыни. Это 5 классов по-нашему счету. Два года она училась в пансионе. Это в Чердынь приехали высланные из Петербурга, видимо «петрашевцы», в общем, люди, боровшие за свободу для тех времен. Семья: муж работал в реальном училище, преподавал математику, а жена его преподавала словесность. И они набрали учеников и частным путем создали пансион. Два года мама там была после женского двухклассного училища. Днем с нами, говорит, сидела мама хозяйки, помогала нам готовить уроки. Эта женщина окончила Институт благородных девиц, Смольный в Петербурге. Так что могла помочь! Вечером с ними занимались хозяева. Через два года нужно было получить документ об окончании какого-то образования, а они права – эти преподаватели – дать документа такого не имели. Поэтому маму для получения такого документа привезли в Пермь, устроили ее в прогимназию. Тогда это была Александровская прогимназия, в будущем Александровская гимназия. Один год проучилась мама в этой прогимназии и получила право быть учительницей сельских школ. Причем она окончила это образование вот с такой похвальной грамотой. Это совпало со столетием со дня рождения Пушкина. Поэтому ее наградили книгами «Избранные произведения» Пушкина и «Юношеские годы Пушкина» и почетной грамотой с отличием. Предлагали учиться дальше в гимназии, хотели учить бесплатно. Но она заболела, и пришлось ей в 14 лет начать учительствовать в селе Кольчуг, которое находилось рядом с селом Анисимово. Два года она проработала там до 16 лет как помощница учителя. Дети, ее школьники, были почти ее ровесниками! Так как мама получила образование приличное для учительницы начальной школы того времени, она хорошо с этими учениками общалась. До 17 лет, уже после 16 лет, зарплата была 25 рублей золотыми. Пять «пятерок». А до этого как у помощницы учителя – 12 рублей 50 копеек. В то время корова стоила 3-4 рубля. Так что зарплата ее была приличная. Когда исполнилось 17 лет, мой папа, к тому времени тоже учитель начальной школы, решил стать священником...

Почему он принял такое решение?

Дед наш был священник, прадед священник, прапрадед и т.д. В общем, папа был уже пятым поколением и все были священники. Ну и дедушка очень хотел этого, чтобы папа стал священником. А до этого папа в десятилетнем возрасте дедушкой был отвезен в монастырь, в Соликамский мужской монастырь. Там его с разрешения игумена поместили в келью к одному из монахов, и вот этот человек занимался воспитанием маленького мальчика. К тому времени, когда ему исполнилось 20 лет, он прошел такую монастырскую школу: научился петь по нотам, службу знал, и сдал экзамены экстерном за учительскую гимназию, заочно сдал. И получил право быть учителем. Два года

учительствовал и для того, чтобы сделали его священником, нужно было ему обязательно жениться. И вот дедушки, встретившись друг с другом, нашли общий разговор. Один дедушка говорит – так ты Клаву мою бери. Маму спрашивают: «Пойдешь за Сашу замуж?» «Пойду». Хотя она совершенно неподготовлена была.

Папу направили служить в село Лёкмортово. Это тоже Чердынский край. Это село, в котором были в основном старообрядцы в то время. Там даже не было церкви. Ну, вот мои родители и стали там жить... Мама продолжала учительствовать, а папа как миссионер пытался старообрядцев в православие обратить. Беседы с ними проводил. При папе стали строить церковь, до их приезда в Лёкмортово церкви не было, службу вели в избе. В церковь к папе никто не ходил, поэтому папа устроился в Чердыни канцеляристом в какой-то канторе и приезжал только на воскресенье в Лёкмортово. А мама жила постоянно в Лёкмортово. Рождались у них дети. Четверо детей родилось. Первый ребенок родился, когда ей было 18 лет, второй – через год. Причем ухаживать она еще, видимо, не научилась: от дизентерии, от инфекционных заболеваний первые дети умерли. Ну, а потом еще двое родились. Она уже и ухаживать научилась. И когда четверо детей уже появилось в семье, мои родители решили, что нужно сменить место жительства. Детей нужно будет учить. Папу назначили в Чердынь, служить в соборе. Они переехали в Чердынь.

Какой Вы помните Чердынь?

Чудесный городок!

А что Вы можете сказать о людях в тех местах, о своих соседях?

Очень хорошие! Это город чистенький, причем народ очень добрый. Город, расположенный на семи холмах. Они все говорят: как Рим, как Москва. Семь холмов, овраги, церковей было не меньше семи. Люди в основном жили за счет того, что шла торговля с севером, с Печорой. В Чердыни были очень богатые купцы: Алины, Черных и много других. Они организовали торговлю с севером. Начиналась весна, купцы закупали товары в низовьях Камы, Волги. Это в основном хлеб, железные изделия, от Соликамска везли соль, различные предметы обихода. Чердынь расположена высоко на горах, а внизу построены амбары. Купцы все свои привезенные товары складывали в эти амбары. Начиналась зима, устанавливался санный путь, замерзали болота, которые разделяли водораздел Колвы и Печоры. По этому водоразделу можно было проехать только в зимнее время, когда застынут там все болота. Первый санный путь – все товары, которые купцы привезли в Чердынь, погружались в сани, и обозы шли на Печору. В верховьях Печоры были поставлены – есть там такое селение Якша – были поставлены такие же точно амбары, какие были в Чердыни на берегу Колвы. Все выгружалось в эти амбары. А в Чердынь с Печоры, с Якши сани загружались свежемороженой рыбой, рыбой соленой, мехами. Там тогда было очень много птиц, рябчиков. В общем различной дичи. В больших кулях отстреленных рябчиков везли в Чердынь, а из Чердыни все это поступало лучшие рестораны Москвы, Петербурга. Вот сейчас мы семгу покупаем ту, что выловили норвежцы. Мы сейчас платим за нее триста рублей за килограмм, вот в те времена семга была очень дешевая, привозили ее из Печоры.

Народ в Чердыни занимался именно этой торговлей: кто-то отвозил товары, кто-то их привозил. Нужно было сани приготовить, нужно было лошадей иметь в достаточном количестве, нужно было тулупы в дорогу теплые взять, нужно было валенки скатать. Кто-то работал приказчиком, кто-то кладовщиками работали. Кто-то закупал товары, кто-то продавал. Благодаря этой торговле, была возможна жизнь чердынцев, строились храмы, очень богатые. Кроме того, в Чердыни раньше, чем в Перми, было электричество, раньше, чем в Перми, был немой кинематограф, реальное училище.

Расскажите, где Вы жили?

Дома там у нас не было. Мы всегда снимали квартиры, частные квартиры. Перед революцией в моей семье было уже девять человек детей. Маленькие часто умирали от инфекционных болезней. К моменту Революции, к моменту гражданской войны в семье осталось четверо детей. Дома у нас не было, квартиру снимали. До революции снимали

квартиру в доме Кедрова. Говорят, это был лесопромышленник. Он случайно познакомился с папой и попросил его понаблюдать за своим домом. Этот Кедров никогда не жил в Чердыни, только у него были леса свои за Чердынью. Родители мои жили бесплатно в этой квартире, в этом доме на верхнем этаже, а внизу жили квартиранты. Следить нужно было за домом, чтобы вовремя печи были, все сделано как следует. А во время революции, когда революция была закончена пришлось моим родителям перейти уже на другую квартиру. Дело в том, что когда не стало торговли у чердынцев, не стало денег и у жителей города. И отцу в храме уже не платили: ни за отпевание, ни за то, что нужно окрестить новорожденного. Платить было нечем. Поэтому папа ничего не зарабатывал. На квартиру денег не было. У папы был приятель, тоже приказчик в свое время у Алиных, тоже ездил он на Печору закупать товары и меха. И вот этот человек, Головин Василий Иванович, он предложил моим родителям занять в его доме полуподвальное помещение. Вот туда мы переехали. За квартиру мы, конечно, ничего не платили, но и условия были очень тяжелые, потому что весной заливало подвал водой, сырость была большая. В этой квартире я и родилась. Я была девятой. Передо мной был брат, пяти лет, сестре было уже 16, брату 14, младшему брату было пять лет. Между нами была девочка, сестричка, трех лет и я родилась. Мои младшие брат и сестра заболели скарлатиной. Врач сказал, что нужно изолировать остальных детей. Меня отнесли к родственникам, двоюродным бабушкам. За это время сестричка трехлетняя умерла от скарлатины. Через некоторое время нашли другую квартиру, переехали в более лучшие условия.

Бабушка с дедушкой с Вами жили?

Нет. Папин отец, он уже к этому времени умер. Они жили в Пакче последние годы перед смертью дедушки. Дело в том, что дедушка ослеп, у него была глаукома – «темная вода», говорили, «подошла». Он уже не служил, и когда умер, то бабушка переехала жить к нам. Папина мама. А мамин отец – он был жителем Соликамска. В Соликамске был свой дом у Александра Яковлевича. Он уехал жить туда и умер в Соликамске. К моему рождению в живых дедушек уже не было. Только бабушки остались. В Соликамске жила мамина мама, свой дом там был двухэтажный, построен еще прадедом. Когда папе нельзя стало жить в Чердыни, мы все, всей семьей переехали в Соликамск. То есть мой старший брат – он уже работал в ФЗО учителем, преподавал физику; младший, который окончил только что четыре класса, я и мама. А старшая сестра – она жила в Перми, она уже вышла замуж и жила не с нами. За отца нам был старший брат, он обо всем заботился, о нас заботился.

Какими были отношения в Вашей семье? Вы дружили с братьями, сестрой? Как родители Вас воспитывали?

Мама старалась, чтобы мы любили читать, часто с нами маленькими занималась, читала вслух книги. Когда мне было лет 10-11, в нашем доме, тогда уже в Соликамске, были еще родственники, такие как я – 11, 10 лет, - мама читала нам Гоголя, например, «Вечера на хуторе близ Диканьки». Страшные такие рассказы! А до этого, еще в Чердыни жили когда, мой брат, постарше меня, он не очень любил читать, мама, чтобы его привлечь, заинтересовать книгами, она читала с братом по очереди "Таинственный остров" вслух. Такие чтения были. Мне тогда было 6 лет. Но так как мама уже читала эту книжку раньше, а брат, придя из школы, кусочек из этой книжки еще прочитает один, а вечером, когда мы все собираемся и брат продолжал уже дальше, мама говорит: «Я все это уже знаю», а брату второй раз это же самое читать не хочется. Мы с бабушкой целые куски из этой книги не могли прослушать. Поэтому я, будучи в шестилетнем возрасте, попросила мою бабушку научить меня читать. Бабушка у меня только в 40 лет научилась читать. Она была малограмотная, но буквы она мне показала. И вот шести лет я научилась читать. Мама много нам уделяла внимания, конечно, нашему развитию. Уроки – это прежде всего.

Она была строгая или нет?

Нет, она не была строгая. Да и не требовалось от нее строгости. Как-то получалось так, что мы всегда ее слушались. Она приучала к труду. Брат старший, когда мы

переехали к бабушке жить в Соликамск, брат старший заботился о дровах. Они пилили вместе со вторым братом, кололи дрова, вывезти нужно было дрова. У нас была корова, обязательно нужно было сено поставить – этим занимался старший брат, хотя еще совсем молоденький, но вот это на его плечи легло. А старшая сестра, она жила в Перми, не могла нам помочь.

Старшие были в наших глазах авторитетом. Второй брат, Владимир, он после седьмого класса решил бросить школу и решил заняться сплавом плотов.

Как на это посмотрела мама?

Мама? Самое главное – старший брат. Он применил тут физические приемы! Мама не смела возразить.

Чем эта история закончилась?

Брат отказался плотовщиком быть. Продолжал учиться.

Я так понимаю, у Вас была очень верующая семья?

Да.

Как вы отмечали религиозные праздники, ходили ли в церковь?

При папе, конечно, всегда все праздники, посты все соблюдались. Кроме детей – детям обычное питание. Посты соблюдались, и Рождество, и Пасху всегда отмечали. Всегда в квартире уборка шла тщательная, украшалась квартира: свежие скатерти, салфетки, покрывала накрывали. И потом стряпня (приготовление пищи – прим. Л. Р.). Все это торжественно было, все это было очень вкусное. Причем в Рождество обязательно сливочное масло. До этого в нашей семье, я не знаю как в других, никогда на стол не ставилось сливочное масло. Делали сметанное масло. Собирали сметану, из сметаны потом делали сметанное масло, потом его топили, получали топленое масло, которое шло в стряпню. А то, что оставалось – на этом замешивали тесто, делали шаньги. Но в Рождество обязательно делалось сливочное масло. Сливками наполнялась четверть бутылки – бутылка такая была, туда входило 3 литра сливок, - и подбрасывая на подушке эти сливки взбивали. Получалось сливочное масло. Оно отличалось от сметанного, конечно. Потом из этого сливочного масла вылеплялась фигура типа барана. В Рождество приходили, когда родился Иисус Христос, приносили какие-то подношения. Были также шаньги, но шаньги обязательно творожные, так принято было. Ну и, конечно, обед, где уже с мясом все.

А в Пасху – кулич, крашеные яйца. Всегда было какое-то торжество. Родители ходили в церковь, бабушка тоже. Меня маленькую не брали, а в Рождество брали.

По воскресеньям с бабушкой, с папиной мамой, мы обязательно в летнее время ходили в гости. Так как бабушка у меня была тоже "матушка", тоже жена священника, нас очень часто приглашали после обедни куда-нибудь в гости. Я находилась на попечении бабушки до семи лет. Я от нее не отходила ни на шаг.

Она Вас воспитывала?

Да. Жили все вместе, но бабушка... Я от бабушки не отходила. Маме было некогда, особенно когда папу арестовали. Ей нужно было зарабатывать, ведь нужно было что-то шить, на что-то жить нужно было. Хотя от церкви нам давали немножко денег.

А кто хозяйничал по дому?

Бабушка стряпней занята была. Кухня – это бабушкино. Обеды, печь топить русскую. А мама – за коровой ухаживать, стирка, мытье пола. Это мамино было.

А как мама относилась к своим домашним обязанностям?

Положено сделать. Когда я росла – у нас не было прислуги в семье. Все делали женщины. Сестра, например, когда подросла, подключалась водиться с детьми, помогать стирать. Когда я росла, на меня ложилась обязанность зимой на речку носить полоскать белье. У мамы были руки больные, подагра у нее была, поэтому с 12 лет я полоскала в Усолке, в речке, белье. В ледяной воде, но это было принято. Когда нужно было в огороде поливать, весь июль-август на своих плечах носили – тогда не было водопроводов. В работу включали с самого детства. Но учеба – самое главное.

Расскажите о том, как Ваши родители воспринимали советский строй. Говорили ли они дома о политике?

Родители очень уважали друг друга. И если у них какие-то разговоры были, то они уходили из дому. Шопотом говорили. Иногда с бабушкой говорили во дворе. Они никогда при детях этих разговоров не вели, никогда. Вот это и старшая сестра рассказывала: уйдут, выяснят все, что у них нужно обсудить, один на один. Ни разу мы не слышали, чтобы они сорились между собой и критики советской власти не было никогда. При нас. Хотя о многом можно было жаловаться. Единственное, что мама говорила: "Лишнего не болтай, лишнего не болтай. Мало ли что услышишь". У нас говорили шопотом. Конечно они сравнивали, как было раньше, до революции, и как сейчас. Тут ведь началась коллективизация, началось обнищание деревень, обнищание жителей деревни. И голод! Ведь если до 1929 года (еще НЭП был) еще в магазинах было все при НЭПе: и белая мука, и крупы появились, и сахар, но это было все дорого, то с 1929-30 года появились карточки. По карточкам давали хлеб. Вот мы переехали в Чердынь жить, на иждивенцев – 200 граммов муки на день и все. Сахару тоже давали очень мало. Конечно, может быть и ворчали, но...

А газеты вы читали в семье? Например, "Правду"?

Нет. Нет, газет не выписывали. На это не было денег. Мама работала. Когда мы переехали в Соликамск жить, мама устроилась работать в музей. Она знала славянский язык, буквы славянские, читать умела по-славянски. В это время – 1930-е годы – закрылись церкви. Некоторые разрушались церкви, а в Соликамске церкви не были разрушены. Приехал художник Грабарь в 1925 году в Соликамск, он посмотрел все эти храмы и сказал, что это памятники старины, их нужно беречь. Их закрыли. Не знаю, куда иконы исчезли, но все книги свезли в музей. И мама сидела там, составляла каталог, каталогизированием занималась. Работала она там. Это в начале. А потом ее как жену священника заставили директора музея уволить. Один раз он не подчинился этому указанию. Горком партии решил. Потом снова ему сказали уволить нужно, потому что она жена священника. Ее уволили. После этого мама работала на ликбезе (общественные учреждения по «ликвидации безграмотности» – прим. Л. Р.).

Как она это восприняла, Вы помните?

Ой, как она была довольна, когда работала в музее! Приезжали студенты московского архивного института на практику. Им нужно было читать тексты славянские. Приходит домой с работы, говорит: «Я ведь сегодня помогала студентам читать славянские тексты». Она уж этим очень гордилась! Потому что она нашла применение своих знаний. Она жалела очень, что гимназию она не окончила. Все говорила: «Если б я гимназию то кончила, я была бы человеком».

Мама работала в музее. Ко мне, когда я получила пермскую газету «Пермские новости», и там было написано, что в Чердыни открыли музей минеральных солей. А когда Георгий Николаевич Чагин, профессор Пермского государственного университета, ко мне приходил, мы с ним разговаривали о Чердыни, о Соликамске, о музее-то он мне тоже сказал: «Никто не помнит об этом музее минеральных солей в Соликамске». А я говорю: «А я помню». Он так удивился! Никто ведь не помнит. Мне было тогда 8-10 лет, когда был музей. Он удивился и даже не поверил, что я знаю этот музей. А когда мама-то в музее работала, я к ней прибегу и в музей схожу. И вот я просто написала директору музея Серебрянниковой в Соликамск вот это письмо, написала каким я помню этот музей. Потом его закрыли, потом его не стало. Теперь снова музей. Вот я написала такое ей письмо об этом музее. Это по подсказке Георгия Николаевича, а то бы не догадалась, наверное.

Ну, а потом мама работала по ликвидации неграмотности. Дело в том, что нам всем, иждивенцам, давали только по 200 граммов муки на день. Конечно, это очень маленькое количество. Можно было печеным хлебом брать 200 граммов. Но кто работал, кто служил – рабочим по 800 граммов, а служащим 400. Поэтому мама подключилась сразу по борьбе с неграмотностью.

А там ее сразу приняли? Проблем никаких не возникло?

Нет-нет, никаких. Работали на ликбезе бесплатно преподаватели. Только давали хлеба на 200 граммов больше, чем тут. А почему очень много безграмотных? Ведь до калийного комбината в Соликамске осталось жителей в 1925-м году всего три тысячи. Но когда открыли калийный комбинат, население резко возросло.

Во-первых, спецпереселенцев прислали в Соликамск на работы на калийном комбинате. Дальше – перед коллективизацией мужиков в деревне обложили налогами. Кто не платил налоги – садили в тюрьму как наказание. А нужно было заплатить налог. А как заплатишь, если нечего продать, неудачи с урожаем? И в Соликамск поехали работать очень много желающих. И Соликамск поглощал всех приезжих. Сроились бараки, деревянные бараки, и приехавшие люди жили в этих бараках. Этих барачков не хватало. Около вокзала в Соликамске стихийно возник Шанхай-городок. То есть люди приезжали, делали себе какие-то такие чуланы, чуланчики из досок, из дерна. Такой чуланчик к чуланчику, к чуланчику, к чуланчику, чтоб тепло как-то сохранять. Чтоб стены-то были общие. И вот селились в этих новых микрорайонах. Бараки заполнялись быстро приезжими. Кому-то надо было заработать, выплатить налоги. Кто-то бежал от коллективизации, кто-то бежал от раскулачивания, кому-то надо было просто устроиться на работу. Поэтому очень много приезжих было из деревень. И на ликбез ходили с большим удовольствием.

В бараках всегда устраивали одну комнату, "красный уголок", где шли эти занятия, ликбез. Особенно женщин много было безграмотных. Они в деревни не имели возможности учиться в школе. Так вот работали на ликбезе. Одна из маминых сестер – учительница, она начала сначала на ликбезе работать. Она маму и привлекла. Вечером шли занятия. Брату моему, младшему, уже было лет 14. Вечером занятия – он за мамой идет, чтобы домой прийти вместе вдвоем. Кому нужно было научиться грамоте – они занимаются в «красном уголке», а дети этих женщин бегают в коридоре. Как брат приходит за моей мамой, ребяташки бегут в «красный уголок» и говорят маме моей, учительнице: «Тетенька-тетенька, за Вами дяденька пришел!» А «дяденьке»-то 14 лет и он страшно смущается!

Причем на ликбез моя мама ходила даже в тюрьму. В тюрьме тогда сидело очень много за невыплату налогов. Очень много туда садили крестьян. И не только крестьяне сидели за неуплату налогов, там же сидели и священники из сельских мест. Им тоже надо было платить налоги, а если прихожанам нечем платить, значит и священнику нечего давать. Так мой родственник, муж маминой сестры, сидел в Соликамской тюрьме. Мама рассказывала, что она тоже приходила, занималась с мужиками, в тюрьме которые сидят. Причем, они, говорит, очень интересовались, когда мы дробы проходили. Так они считать умеют, а вот с дробями... Им нужны были все эти расчеты делать.

Слышали ли Вы в детстве такое словосочетание как «враг народа»?

Нет. До 1937 года. До 1937 года этого слова не было в употреблении. Хотя садить садили в тюрьмы. Из рассказов папы. Когда его за то, что он не пошел в «обновление», он сидел в тюрьме, в Дедюхино – это [нынешние] Березники, - там район Дедюхино, теперь затопленный. Охранники были, говорит, очень к нам доброжелательны. Он сидел в тюрьме вместе и с теми, кто налоги не платил, и еще и с хулиганами. Относились очень хорошо, дескать, к нам, ко мне, говорит, те, что сидели за хулиганство. Ни разу не обидели, не обозвали никак. Потом позднее – это «поп». Там уже что-то такое ужасное стало. А так нет, все «бать, батя, батя». Дальше, говорит, мы занимались «трудвоспитанием». С нами работали, с заключенными, трудом воспитывали нас. Посылали, например, копать картошку. Мы, говорит, уходили в поле, копали картошку, там ее пекли, накладывали за рубашки и шли домой, в тюрьму шли. А охранники нас, говорит, даже не осматривали. Уходим, говорит, тоненькие, а возвращаемся толстые. Набьем за рубашку этих печенок. Охранники относились доброжелательно. Но в 1937 году – это что-то, из рассказов и Шемякина и других я вижу, что что-то ужасное было. Охранники-то изменились! И «враг народа»... Вы знаете, в 1937 году, хотя и арестовали, но этот термин как-то еще не звучал. Он стал звучать потом, как-то позднее.

А по отношению к Вам никто его не употреблял?

Нет. Нет, не обзывали. Так как папа тут не жил с нами, может быть поэтому.

А соседи знали о том, что Ваш отец был арестован?

Да, знали. Знали. Например, я училась в 4-м классе. Нас посылают на Съезд ударников. Мою фамилию выдвинули. Я учиться стала уже неплохо. Меня тоже туда на Съезд. И встает один мальчик и говорит: «А она дочь попа». И меня не послали. Да, был такой случай.

Как Вы это восприняли?

А Вы знаете, совершенно спокойно! Как-то совершенно спокойно. Меня это не очень обидело,нисколько даже, потому что я уже была предупреждена. Мама говорила: «Всем можно – тебе нельзя. Не высовывайся». Она все время мне так говорила. Всем можно – тебе нельзя.

Все равно препоны были. Старшие мои брат и сестра. С большим трудом они получили высшее образование. Поступят – и их исключают.

По какой причине?

Дети священника. Дочь священника, сын священника. Брат, который уже был учителем со средним образованием, он первый раз поехал в Новосибирск, поступил в Новосибирске в университет. Прошло два месяца – исключили как сына священника. Поступал здесь в Пермский университет – исключили. И только уже в 1935 году ему удалось поступить в Саратовский университет.

А скрыть то, что отец священник не пытались?

Нет, нельзя было. Это вскроется, потом все равно... Спецчасти работали очень хорошо. Когда Володя, младший брат, стал учиться в 5-м классе в Соликамске, его два раза исключали из школы как сына священника. Четыре класса он в Чердыни окончил, в пятом классе в Соликамске учился. А он иждивенец – младший брат, и его восстанавливали. Два раза так было.

Каково было отношение учителей к вам? Случаев дискриминации не было?

Нет-нет. Очень, очень хорошо относились. В классе только один мальчик так мне сказал. Правда был такой случай в седьмом классе. Была девочка одна. Она училась плохо. Жила она с мамой у старшей сестры. Видимо, там оценки какие-то были не очень. И она пожаловалась на меня, что дочь попа мешает ей учиться хорошо. Было классное собрание, родительское собрание. Шло это родительское собрание, а нас несколько человек, две моих подружки, остались. Дверь-то открыта. Приоткрыли и слушаем. Встает сестра этой Нины Юговой и говорит: «Дочь попа, Тетюева, мешает моей сестре учиться». Мы сразу отошли от дверей, я в слезы. Дождались, когда учительница закончит вести собрание, классный руководитель. Мы втроем пошли ее провожать. Я в слезах. Она как-то так отвела этот разговор! Не обсуждалось ничего. Мы кончаем седьмой класс, она говорит, что у нас вечер будет устроен, у нас будет то-то сделано, так сделаем. Этот разговор она со мной не вела. Она сделала вид, что этого разговора не было. А мама пришла с родительского собрания и тоже мне ни слова не сказала. Мама и не знала, что я это слышала. Мне ничего никогда не было.

А братьев, сестры Ваших это не коснулось?

Виктора, старшего брата, в Чердыни били. Били мальчишки как сына попа. Было такое.

Сколько лет ему тогда было?

Ему лет 14-15 тогда было. Мальчишки вообще имеют такую привычку. Жестокость проявляли. Бросали даже его в воду, в Колву.

А по отношению к сестре – нет. Дело в том, что в 1926 году было комсомольское собрание в Чердынском педтехникуме. И был там у них комсоргом Андреев некто. Они на этом собрании комсомольском постановили: всех детей священников и купцов исключить из педтехникума. Видимо было тогда такое веяние. И исключили. Сестра моя уже на третьем курсе была. Ее подруги оставляли ей свои конспекты, она самостоятельно занималась. И в один из дней она пришла в педтехникум списать расписание. Вышел из кабинета директор педтехникума Белавин, говорит: «Лена, зайди

ко мне». Она зашла, он говорит: «Давай, пиши заявление Крупской», и продиктовал, как надо написать заявление. «Из Чердыни, - говорит, - это письмо не пропустят. Я еду в командировку в Свердловск и письмо спущу в Свердловске». Ответ пришел очень быстро – через две недели Крупская ответила: «Восстановить всех исключенных». И сестра закончила педтехникум.

А с Виктором папа поступил так: он отвез его в Пермь к своим знакомым и устроил его опять в седьмой класс. Он был на первом курсе педтехникума, но в Перми его снова в седьмой класс. Друзья у папы были рабочие, Виктор как «сын рабочего» прошел уже дальше. Но он окончил второй раз седьмой класс, а потом он уже не в Чердыни учился, а в Соликамске, у бабушки жил. Там педтехникум кончил, в Соликамске.

А потом, когда я уже училась, это не чувствовалось нигде. Правда с этим Андреевым мы еще столкнулись. Был такой случай. Этот Андреев, который был комсоргом в Чердынском педтехникуме, он окончил университет, потом был заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в фарминституте (фармацевтический – прим. Л. Р.), в Пермском. В фарминституте училась я. Экзамен на третьем курсе. Я захожу сдавать экзамен Андрееву. Причем сестра мне ничего о нем не рассказывала. Слова его не было сказано. Я не знала, что он из Чердыни. Он сидит. Я на первый вопрос ответила - он молчит, я на второй вопрос отвечаю - он молчит. Я перехожу к третьему вопросу, он снова молчит, ни слова не говорит мне: «правильно, неправильно». Я отвечаю. Берет зачетку и ставит мне «тройку». Эта была первая «тройка» у меня. Я прихожу домой и рассказываю сестре: «Я сегодня «тройку» получила». А сестра мне говорит: «Он не только тебе «тройку» поставил, он сегодня поставил всем нам «тройку». Он вспомнил ту историю тетюевскую, как он поступил с Тетюевыми». Я «тройку» заработала, первую и единственную.

Какой это был год?

Это был 1943 год. Но с этого нам стали с «тройками» давать стипендию. Первые два года войны (я поступила в институт в 1941 году, война началась) давали только отличникам стипендию. «Тройка» не сыграла никакой роли в выдаче стипендии. Все обошлось.

Помните ли Вы обстоятельства последнего ареста Вашего отца?

Он жил отдельно от нас. Он жил в Чермозе (город в пермской области – прим. Л. Р.). Это было летом. Мы узнали об этом недели через две. Приехал знакомый и сказал, что отец Александр арестован. Мама с бабушкой сразу же сели шить теплые вещи, чтобы передать в тюрьму. Его арестовали в августе, а в октябре мама повезла ему теплые вещи передать. В Чермозе его не оказалось в тюрьме, в Перми - не оказалось, в Березниках - нет, в Соликамске - нет. Она его не нашла.

Что в это время происходило в семье? Вы переживали?

Очень. Ну, конечно, больше мама. Наверное, и братья, и сестра. Я знала, что папу арестовали, но мы надеялись, что отпустят. Мы не знали, что с ним. У многих ведь тогда отцов арестовали! У преподавателей арестовывали. Ездил «черный ворон», ночью арестовывали.

А предчувствие ареста было?

Нет. Перед арестом папы мои старшие братья поехали к нему. Они повезли ему в Чермоз штатскую одежду. У него рясы были. И он им сказал (они утром приехали к нему на пароходе): «Сталин такую статью написал в газетах, что сейчас нас обижать не будут». Он был уверен, что время пришло такое, что отношение к религии стало хорошим. «Я свою службу не буду [бросать], я ничем другим заняться не могу по своим убеждениям». Единственно, что он сказал: «Ночевать у меня не оставайтесь, уходите на пристань». Они у него не остались ночевать. Одежду они ему оставили, конечно, - костюм - а ночью 5 августа его арестовали. Когда я смотрела в архивных материалах, там написано, что указание было Сталина Ежову начинать с 5-ого числа повальные аресты. Заранее приготовить «тройки», наметить кого арестовать.

Братья вернулись, еще не зная, что папа арестован. Он иногда к нам приезжал сам, раз в год, осенью, когда последние пароходы, темные ночи. Он огородами к нам придет домой, поживет с нами недели две и уедет обратно в Чермоз.

Вы понимали, почему Ваш отец приезжает украдкой?

О, это я все понимала! Папе нельзя вместе с нами жить вместе – иначе мы не будем учиться в школе. Нам не дадут учиться. Так как родители священника.

А Вы не задавались вопросом, почему такая несправедливость?

Это было понятно: он священник, а к священникам такое самое неположительное отношение. Это было понятно, почему он не с нами живет. Почему мы не с папой живем – потому что брату надо учиться, а потом бабушка старенькая стала. Куда к нему переезжать? У него квартиры не было, комнатку только снимал. Он думал так: станет ему за 60 (тогда ему было 58 лет), он приедет и будет жить с мамой, в своем доме. Ему хотелось пчелами заняться, хозяйство завести. Съезжаться они с мамой хотели. Но вот не получилось.

А чувство страха у Вас и Ваших родственников было, когда отца арестовали?

Нет. Как жили - так и жили. Только материально стало очень тяжело, потому что он посылал нам деньги. Причем он деньги не сам лично посылал, что вот так на почту прийти и переслать. Он приезжал сюда, в Пермь, старшая сестра работала учительницей, и он оставлял деньги ей. И она посылала нам деньги маленькими порциями. Он мог к ней в Пермь из Чермоза приехать, когда пароходы ходят, потому что сейчас вот ходят и автобусы, и самолетом можно, а тогда только пароходы. Он приезжал осенью, оставлял ей деньги. К маме раза два приходил человек, который спрашивал: «На какие средства Вы живете?». Ей еще не было 55 лет, и так как все должны были работать, а она не работала. Ликбез уже закончился, физическим трудом она не могла заниматься – у нее руки были больные, а на другую работу ее не брали как жену священника. Мама отвечала: «Вот посмотрите. Я получаю переводы от старшей дочери. Мы живем за счет работы моей старшей дочери».

Потом, в 1937 году, мои тетушки решили продавать свою часть дома. У бабушки был двухэтажный дом, который она разделила на четыре части: каждой дочери дала по дарственной. Благодаря тому, что папа успел с сыновьями переслать нам какую-то сумму денег, мы одной тетушке выплатили пай, а другой тетушке – через год после ареста папы. Мама тогда поехала к папе на квартиру в Чермоз и хозяйка принесла тулуп. Тулуп дорогой – в Чердыни же меха были дешевые, поэтому у папы был енотовый тулуп. Этот тулуп мама продала в Перми (сдала в комиссионный магазин) и эти деньги выслали другой тетушке.

Так у нас в Соликамске появился свой дом. У нас был хороший огород, у нас была корова и мы могли жить. У нас не было денег, чтобы даже купить, например, селедку, но питались мы лучше, чем питаюсь я сейчас. У нас были овощи в огороде, всякие, был подвал и яма, куда мы на зиму складывали припасы и корова. Овощи и молоко у нас были всегда. И кроме того, когда папа был священником в Лекмортове, он подружился с семьей Кузнецовых. Они занимались тем, что строили баржи. На этих баржах потом из Соликамска (эти баржи покупали солепромышленники) вывозили соль и отправляли по всей России. С этой семьей папа мой подружился. Эту семью, где отца звали Григорий Егорыч, раскулачили и выслали их в Соликамск. Григорий Егорыч знал, что мы живем тоже в Соликамске. Он был другом папы с самых-самых молодых лет. И нам он большую помощь оказывал. Надо было сено поставить - дядя Гриша приходит и говорит маме: «Пора. Я уже траву видел. Все готово». Нанимает он своих друзей из спецпереселенцев, ставит зарод. А зимой, когда можно вывозить сено уже на санях, дядя Гриша опять приходит к маме и говорит: «Заказываю лошадей, завтра я съезжу, привезу сено». Благодаря помощи папиных друзей, нам легче жилось: есть кому и заборы починить, и снег с крыши сгрести, и какую помощь с дровами оказать. Когда братья уехали учиться, мы могли рассчитывать на папиных друзей.

Дом - двухэтажный. Наверху мы жили - мама, бабушка и я, а нижнюю комнату сдавали мамину ученику. Она его учила, будучи еще молоденькой учительницей. Он стал уже взрослым и жил у нас с женой.

Любовь Александровна, состояли ли Вы в пионерской организации?

Да, пионеркой я была. А в комсомол не вступала.

Как вы относились к тому, что Вы пионерка?

Мне это нравилось. Нравилось быть как все, ходить на сборы, в походы.

Не чувствовали ли Вы какого-то внутреннего противоречия? Все-таки Вы из верующей семьи...

Нет. Но вот как получилось. Я учусь в первом классе. Я с бабушкой, Ольгой Петровной, в Соликамске ходила в церковь по воскресеньям. И однажды меня поставила учительница перед всем классом и стала меня бранить, что, мол, нельзя, нехорошо в церковь ходить. Что конкретно она мне говорила - я сейчас уже не помню. Но только я поняла, что меня бранят, меня ругают. Домой из школы я пошла через центр Соликамска – средняя школа в одном конце города, а наш дом – в другом. В центре города были магазины и мама стояла в очереди, чтобы купить по карточке продукты. Очередь стояла большая. Я зашла в магазин, увидела маму, уткнулась ей в подол и задала рев. Я поняла, что меня обидели, и маме я пожаловалась. Говорят, истерика со мной была. Женщины очень возмущались, что в школе доводят детей до такого состояния. Но мама с бабушкой договорились, чтоб больше меня в храм не брать. Чтобы воспитание было в одном направлении – школьном. Чтобы не было противоречий.

Когда я приезжала в Чермоз летом к папе, там я ходила с ним в церковь.

А в Соликамске Вы об этом рассказывали?

А некому было рассказывать. Перед его арестом в 1937 году я к нему приезжала в Чермоз. Я приезжала к нему в июне. Я седьмой класс уже закончила. Мы с ним ходили на кладбище, как раз Троицын день был. Меня удивило, что в Чермозе березки на улице украшены ленточками - ни в Чердыни, ни в Соликамске этого никогда не было. На кладбище он служил на панихидах. Вернулись домой. Внучки папиной хозяйки играли на улице в городки. Бросали палку, сбивали городки. Я тоже вместе с ними играла. Вдруг папа меня позвал домой. А я высокая была для своих 14-ти лет. Он меня позвал домой и сказал: «На вот тебе славянский шрифт, давай учишь читать Евангелие». Это было его первое и последнее религиозное воспитание. Ему видимо не понравилось, что я на улице, высоченная, плохо воспитанная на его взгляд, ношусь с палкой. Внучки у хозяйки тоже были моих лет, они были поменьше ростом, и это не так бросалось в глаза. Он мне так и не дал больше играть.

Что сыграло большую роль в формировании Ваших идеалов, жизненных ценностей - религиозное или коммунистическое воспитание?

Получилось вот как. Сестра моя старшая – преподаватель биологии и химии. Она окончила пединститут, биофак. В Бога она не верила. Она считала, что человек произошел от обезьяны и все такое. Она так преподавала в школе. Антирелигиозная пропаганда тогда очень широко была развита. В 1946 году мы все вместе съехались здесь в Перми, продали в Соликамске дом и сестра моя, а потом брат, который окончил университет, второй брат, который работал на заводе в Мотовилихе, и я жили вместе. Брат работал в университете на физико-математическом факультете. Нам нельзя было в церковь ходить. Ну, праздники – Пасху и Рождество – как всегда справляли: стряпня и прочее. Но о религии у нас не было никаких разговоров. Мама соблюдала все, что положено, а мы в церковь даже не заходили.

Умерла моя тетя крестная и ее отпевали. Ее семья вся была в храме, а мы постояли на улице. Все мы, преподаватели, в храм не зашли. Я уже когда на пенсию вышла, тогда стала приобщаться: стала читать, обдумывать и ходить в храм.

А Вы считали правильным то, что преподавателям нельзя ходить в церковь? Как Вы к этому относились?

Вполне нормально. Так поступали все. Взять Пасху, к примеру. В Разгуляе (район Перми – прим. Л. Р.) есть Всесвятская церковь, она работала. Мы ходили вечером с

мамой, но в храм не заходили. Когда оглянешься туда-сюда - столько моих знакомых! И все - на улице.

А в детстве у Вас были какие-то кумиры? Вам что-то говорит имя Павлика Морозова?

Нет, не было. Это потом, когда я постарше стала Павлика Морозова стали пропагандировать очень.

Как Вы к этому относились?

Да никак! Абсолютно. Мы ведь не все поняли даже. Это все было как-то завуалировано и непонятно. Кто его убил, за что убили? Это потом раздувать стали, а тогда – нет.

Почтение к старшим было, уважительное отношение. К старшим обращались на «вы». В редких семьях родителям говорили «ты». Уважение и почтение к бабушкам какое-то было. В моем воспитании большую роль сыграла бабушка Любовь Федоровна, папина мама. Она знала громадное количество сказок. Она знала сказку о Коньке-горбунке. Эта сказка была не хуже, чем написанная Ершовым. Она могла несколько раз рассказывать одно и то же. Так как я была все время около бабушки, то, по-моему, эти сказки очень большое влияние на меня оказали: на развитие фантазии...

Вы рассказывали, что поступили в институт в 1941 году...

Да, я в 1941 году окончила школу среднюю и в 1941 же поступила в фарминститут.

Это были годы войны...

Я закончила 21 июня школу. Нам выдали аттестаты 21 июня. Мы собирались идти на прогулку, но получилось так, что мама мне сказала: «Нужно мыть окна». С нами жил брат и его жена. Она что-то приболела и не могла помыть окна. Девять окон у нас наверху. Я с утра начала мыть окна. Пока я готовилась, сдавала экзамены - меня ничем не занимали, главное экзамены сдать, а тут – пожалуйста. К концу дня 22 числа, день войны, приходит моя подруга и говорит: «Вы ничего не знаете?» «Ничего не знаем». «Война!». Я только увидела из дома – на другой стороне Усолки бегают люди, суматоха. Люди-то уже слышали, что война, а мы радио не включили. Мама на огороде была занята.

Как Вы восприняли эту весть?

Решили - «а, недолго! Скоро война закончится. Мы их шапками закидаем! Война скоро кончится. У нас такая сила». Сноха, жена старшего брата, ей было тогда 30 лет, уверяла нас, что все быстро закончится. Неделя прошла, мы уже в Соликамске узнали, что война, а брата-физика в числе многих собрали в Могилеве. Это рядом с Белорусией. На учения. И вдруг он дает телеграмму, что едет в Пермь. Мы решили, что он ранен. Война шла уже неделю. Со снохой едем в Пермь. Оказывается, его для мобилизации послали в Пермь. Здесь в «Красных казармах» он стал учить новобранцев.

Мы были уверены – война скоро кончится. Никто не думал, что затянется так надолго. Я бы, наверное, и не поступала. Я сразу же документы подала в фарминститут. Если бы я знала, что такая будет затяжная война, я бы, наверное, и не решила поступать учиться.

Какой была война для Вас? Какой Вы ее запомнили?

Голод. Голод, голод. Голодно и холодно. И страх за близких.

Кто-то из Ваших родных был на фронте?

Да, брат, который работал в Мотовилихе. Его взяли в армию. Двоюродных братьев взяли на фронт. А потом мой друг. В конце войны его взяли. Очень много было родных, за кого можно было переживать. И сильно переживать.

Можете ли вы вспомнить случаи проявления дружбы, любви в атмосфере этого тревожного ожидания?

Многие девочки переписывались. У них были поклонники. За мной ухаживал молодой человек. Его в конце войны взяли в армию. Он был меня моложе. Он еще кончал школу, когда мы познакомились. Я на него слегка свысока смотрела, что он

молоденький. Ну, а потом, как повзрослел, но в армию его еще не брали... Я жила у них на квартире. Они когда узнали, что война будет... У его родителей – они были уже пожилыми людьми – был большой дом. Они пережили гражданскую войну и знали, что в их большой дом обязательно поселят эвакуированных. И они по рекомендации пустили нас с сестрой в комнату. Сдали нам комнату не за баснословные деньги. Вот мы и жили у них на квартире. Она – преподаватель математики, он – врач. Няня у них была, Анюта, и двое сыновей. Жила я у них как дома.

Дом был очень холодный, поэтому все в кухне собирались. Дали одну лампочку на весь дом, только потому, что преподаватели. И вот на кухне одна лампочка над столом, а мое рабочее место было на печке. Печка у них была такая, - дом строил архитектор - что встанешь на нее и еще рукой потолок не достанешь. У меня там была коптилка и я занималась там. К началу 1942 года – голод сильный, потому что мы с сестрой не приспособились, никаких запасов не сделали. Выдавали хлеба 400 граммов. Я заболела, заболела так, что только постельный режим. И хозяйева меня стали кормить. Такие добрые были, такие отзывчивые.

У меня воспалились сердечные клапаны. И если бы я стала ходить, двигаться – так Иван Ефимыч, хозяин, сказал – будут рубцы на клапанах. Это порок сердца. Значит, постельный режим. А выдают-то всего 400 граммов хлеба – это не еда. Анюта приготовит – это прислуга, няня у них была, но при этом как своя, родная жила – она приготовит обед, несет, меня кормит. Надежда Павловна Приходит с работы, обедать – меня опять кормит. Так и поставили меня на ноги. Потом я уехала домой, потому что я пропустила много.

Ну, а на следующий год я уже приспособилась. Проявила какую-то сообразительность! Билет на поезд можно было получить только при условии, если институт отпустит на несколько дней домой. На основании этого отпускного можно было в милиции получить справку, что милиция разрешает продать в кассе билет. Можно было получить такой пропуск только раз в год. Но ведь этого мало! Я приезжаю домой в Соликамск, иду в милицию в Соликамске и говорю: «Я к маме приехала, мне нужно обратно – я учусь в Перми». Мне в милиции в Соликамске снова дают пропуск. Таким образом я могла несколько раз за зиму съездить домой. Из дома я везла картошку, лук и чеснок. Мы никогда не покупали – это все из дома. Мама давала творог, сметану, все, что можно. Благодаря этому, мы с сестрой могли питаться здесь неплохо.

Я приготовлю с вечера обед – картошку с постным маслом в горшочке – приходим сестра с работы, я с учебы – нас ждет в печке обед горячий. Анюта, когда приготовится – достанет горшочек, а к нашему приходу опять в русскую печку поставит, чтобы горячее было. В этом отношении это были чудесные люди. И Анюта, и хозяйева.

Летом мне заниматься была одна благодать. У них были парадные сени, которые выходили в сад. И там лесенки были. Я располагалась там со своими конспектами. Приходили ко мне подруги. Мы там готовились к экзаменам (в июне месяце сессия шла). Ну а зимой... Зимой окна в комнате застывали. Квартира была очень холодная.

Помните ли Вы смерть Сталина? Как и где Вы о ней узнали, как восприняли эту новость?

Это я помню. Объявили и по радио, и так. Каждый день в институте собрание. В актовом зале выступала одна, другая, пятая, десятая... Из сотрудников особенно с кафедры марксизма-ленинизма много было. Рев стоял. Плакали. Очень-очень переживали. Очень переживали.

И Вы тоже?

Нет. Я уже понимала, что такое Сталин. Я уже поняла. Я поняла, что он несправедлив.

В какой момент Вы это поняли?

Даже не знаю. Я уже длительное время работала в институте. Работала с 1946 года. Я помню, что во время этих собраний мы с неприязнью смотрели на одну выступающую, с кафедры марксизма-ленинизма. В глазах – ни слезинки, а причитает!

Это было трудное время. Тогда нельзя было ничего говорить. Перед 1953 годом был момент, когда чуть не повторились репрессии 1937 года. В каждом учреждении, в каждом коллективе были осведомители.

Вы знали, кто это или только догадывались?

Догадывалась, но точно не знала. Была у меня сокурсница, Лида Игуменцева. Мы с ней на втором курсе как-то сблизились, гуляли часто. Она фармучилище закончила, а я – нормальную десятилетку. У нас прекрасно литература преподавалась и ей было очень интересно слушать о поэтах. Мы ходили, гуляли. Потом на третьем курсе я как-то от нее отошла. Я помню она мне записки писала, а потом говорила: «Если б ты знала, от какой беды я тебя спасала!». Я так удивилась: от какой беды меня можно было спасти? И только уже позднее, много-много позднее я узнала, что она была осведомителем. Она была в нашей группе. Она была спецпереселенкой, видимо, она жила в Ивделе (город в Свердловской области – прим. Л. Р.). Чтобы ей учиться в Перми в фармучилище, она каждый месяц должна была ходить здесь отмечаться в определенных органах. И ее спрашивали о нас обо всех. Видимо, и обо мне. Только тогда я поняла, от какой беды она меня спасала. Только когда узнала, что она была осведомителем. Но с детства мне мама внушала: «Ничего лишнего. Не болтай, не говори», потому что за лишнее сказанное слово могли посадить. Могли такое приписать тебе – Бог знает что!

Когда стала работать, ректором был Калугин Николай Николаевич. Потом поздней в моем доме жила на третьем этаже вдова его. Она мне и рассказывала, что Николая Николаевича часто вызывали в горком партии и там его ругали, что он очень много «пригрел» в институте «прочих». В институте нас было несколько таких человек. А он говорил: «Так они ж хорошо работают. Как их убирать с работы? Они хорошо работают». На него кричали, что он «пригрел». У одной – брат был в 1937 году взят, у другой – отец посажен, у третьей – тоже отец в 1937-м году посажен. У еще одной – муж пропал без вести, это тоже считалось, что он предатель – ушел, сбежал, сдался... Теперь вот известно, что целые поля непохороненных. Он погиб! Она двоих сыновей воспитывала без помощи от государства, потому что отец пропал без вести.

Это было трудное, страшное время! Лишнего не скажешь. Перед смертью Сталина было "дело евреев" раздуто. Там в Кремле многих посадили евреев. Была у нас в институте тоже Фельдман Розалия Наумовна. Она критикнула вот что. При Сталине было снижение цен на продукты и на товары. Война кончилась – и цены начали снижать-снижать-снижать. К примеру, взять капроновые чулки. Стоили 50 рублей. Но в фарминституте химии много: брызнут кислотой на занятии студенты – все, надо новые покупать. И вдруг снизили цену до 25 рублей на чулки. Неделю была такая низкая цена – потом опять 50 рублей. И эта Розалия Наумовна какой-то приятельнице сказала: «Вот ведь – снижают и снова поднимают! Что это за торговля!» Еще где-то что-то она сказала. Партсобрание – ее из партии исключили. А из мединститута евреев и вовсе исключали. В том числе и профессоров. И – в тюрьму. Но в это время Сталин умер и дело сняли. А то мы все ждали, что вот-вот и Розалию Наумовну тоже посадят. А за что? Чуть что сказал – вот тебе уже и критика. Нельзя было ничего говорить лишнего! «Всем можно – тебе нельзя. Лишнего не болтай» - только с таким напутствием меня мама из дома отпускала.

И о папе никогда ничего не рассказывала. Что папа приехал – молчишь, что к папе ездила – молчишь. О папе – ничего, потому что он... Нет его и нет.

Знали ли в институте Ваши сослуживцы о судьбе Вашего отца?

Да, на кафедре знали. Там же личные дела заводили, а в них все написано. Ну, я наивный человек, конечно, была. Была канцелярия и была спецчасть. Я как-то на кафедре взяла и ляпнула: «А зачем и канцелярия, и спецчасть? Зачем это нужно?» Сотрудницы были старше меня, они так между собой переглянулись, но ничего мне не сказали. Наверное подумали – позднее поймет что к чему.

Когда наступил тот момент, что Вы перестали бояться говорить о своих мыслях вслух?

Тогда, когда сменился строй. Если бы было все как прежде и была бы у нас та же самая партия, наверное, я бы сейчас не стала рассказывать. Только лишь потому, что это все в прошлом. Не знаю, может и восстановится, но к тому времени... Все-таки такого, наверное, больше не будет.

А для Вас тяжело протекал этот перелом в идеологии?

Хотя я уже была на пенсии, но, конечно, тяжело. Я поверила Ельцину, я думала, что он установит справедливость. Меня в свое время возмущало, что есть горкомовские, обкомовские магазины, в которых все есть и все – лучшее. Со складов им – лучшие товары. У них свои были буфеты. Если шьют им какие-то вещи, то дешевле, чем нам в мастерских. Дешевле материал стоит. И в Министерствах точно также было. У меня подруга работала в Госплане. Я знала, что им это все дешевле. У них санатории избранные, которые мы, работающие, позволить себе не могли. Я только туризмом пешеходным занималась. У них поликлиники избранные... Я думала, что вот теперь будет равенство, полное равенство.

Какое значение для Вас имела реабилитация?

Мы долго не знали, что с отцом. Выслали заявку – я была в 1945 году на практике в Москве и там мамино письмо опустила в уличный ящик Прокуратуры СССР. Маме ответили, что он умер от инфаркта в 1942 году. Справка эта затерялась. Ждать, значит, больше нечего. А вот уже когда при Хрущеве о реабилитации стали говорить, что это все несправедливо было, что их зря посадили, сначала сестра подала заявление. Ей дали документ, что он реабилитирован, что он ни в чем не виноват, что он не «враг народа». Тогда мы об этом и узнали.

А разве Вы раньше в этом сомневались?

Да ведь когда заполняешь личное дело, пишешь ведь, где отец и что! А тогда можно было этого уже не писать. Вот я одинокая. Это ведь одна из причин. Кому нужно было портить себе «личное дело»? Вот, если бы Юрий, мой друг, не погиб на фронте, тут одно было бы дело. А вот потом – знакомишься и даже не смеешь сказать, что ты дочь священника, что отец у тебя – «враг народа». Постарше человеку, когда уже тридцать лет и больше, - зачем ему портить свои документы? Так и не смеешь даже продолжать знакомство. Просто знаешь, что ничего, кроме боли, это не принесет. Тобой пренебрегут не потому, что ты чем-то плоха. Все понимали: если у тебя есть в документах что-то такое, то тебя по карьерной лестнице не будут поднимать.

Почему, вы думаете, я в партию не вступила?! Квартиры давали в институте. Я много лет работала. Если бы я была членом партии, я бы получила квартиру. А я знала, что претендовать не на что. Правда жили мы с мамой, с сестрой. Я не знала, что я могла бы заявление написать. Как стали строить кооперативные квартиры – я пошла по этому пути. Немножко заняла, немножко накопила и построила кооперативную квартиру.

Комментарий

В личном архиве Тетюевой Л. А. имеется большое количество фотографий. Среди них есть фотографии из архивно-уголовного дела Тетюева А. П. Большинство фотографий сейчас находится в типографии, в которой будет печататься, точнее переиздаваться брошюра Тетюевой, написанная об отце. Ниже даны комментарии, точнее подписи к нескольким фотографиям, которые удалось достать в типографии:

1. Отец Александр в возрасте 29 лет (снимок сделан на Белой Горе в 1918 г. на курсах миссионеров);
2. Клавдия Александровна и Александр Павлович Тетюевы (молодые);
3. Отец Александр, 1933 г. (приезжал к семье в Соликамск);
4. Александр Павлович Тетюев, 1934 г. (у стен храма в Чермозе);
5. Отец Александр, 1937 г. (снимок из следственного дела, сделан в тюрьме).

Большая часть фотографий нами уже отсканированы и сохранены в компьютерном банке данных «Мемориала».